

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш герой, Павел Николаевич Шатилов, родился 13(26) ноября 1881 года, как он сам вспоминал, «в казенной квартире ... отца, начальника Тифлисского юнкерского училища». Кстати, в один день с великим русским полководцем А.В. Суворовым.

Рождение в семье потомственного военного предопределило жизненный путь юного Шатилова. И отец, и дед его дослужились до чина генерала от инфантерии (полного генерала пехоты), и Павел Шатилов, естественно, должен был стать генералом. С отцом и дедом он сравнивался в чинах в возрасте 39 лет. В ноябре 1920 года ему было присвоено звание генерала от кавалерии.

Родом войск он выбрал кавалерию – самый мобильный в ту эпоху. В короткое время он стал лучшим в конном спорте и фехтовании, что сделало его прекрасным индивидуальным бойцом и пригодилось, когда он, будучи начальником штаба кавалерийской дивизии, столкнулся в рукопашную с немецкими уланами.

Образование П.Н. Шатилов получил лучшее по тем временам: 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус и Академия Генерального штаба. В Пажеском корпусе (куда принимали лишь детей и внуков генерал-лейтенантов) он был замечен императором и императрицей, и сам Николай II помнил о нем и следил за его службой. Во время одного из приемов государь, видимо, спутав его с кем-то, спросил, не поступает ли молодой Шатилов после Пажеского корпуса в лейб-гвардии Казачий полк, и Павел Николаевич, чтобы подтвердить царское предположение, вышел из корпуса именно в лейб-казаки, хотя сам казаком по происхождению не был.

В своих воспоминаниях П.Н. Шатилов блестяще воспроизводит атмосферу жизни военной элиты императорской России: старательное, без надежды на чье-нибудь покровительство обучение в военно-учебных заведениях, служба в элитных гвардейских полках, поступление и обучение в Академии Генштаба, которая готовила лучших из лучших – кадры для высшего командного состава российской армии.

Естественно, молодым офицерам было свойственно стремление подраться, проверить себя, опробовать на практике полученные навыки. И Павел Шатилов прерывает обучение в Академии, чтобы поучаствовать в начавшейся Русско-японской войне. Он переводится сотником в 4-й Сибирский казачий полк (второочередной, из резервистов) и за год службы получает пять (!) орденов и саблю «За храбрость». Во-первых, воюет он храбро, расчетливо, хладнокровно, грамотно, а во-вторых, о его службе изредка справляется сам главнокомандующий А.Н. Куропаткин, друг его отца. Причем Павел Шатилов не одинок в своем стремлении повоевать, целый букет элитной военной молодежи из самых «громких» гвардейских полков едет на фронт, и многие из них на будущей Первой мировой войне станут полковниками и генералами.

Там же, в дивизионе разведчиков при штабе корпуса, Шатилов познакомился и близко сошелся с хорунжим П.Н. Врангелем, который впоследствии стал последним вождем Белого движения на Юге России.

Слушатель Академии Шатилов, оказавшийся на такой практике, как война с японцами, отслеживает и анализирует военные операции, которые разворачиваются у него на глазах, и чин сотника не мешает ему в этом. Наоборот, анализируя замыслы высшего командования и их исполнение, Шатилов видит и рутинную, «окопную» сторону войны, видит жизнь простых солдат и казаков.

После прохождения курса наук в Академии Генштаба Павел Шатилов отправляется для цензового командования сотней в 1-й Хопёрский казачий полк, находящийся в Грузии. Романтика воинской службы на Кавказе с застольями, охотой и скачками была оценена нашим героем в полной мере. Здесь же, на Кавказе, Павел Шатилов женился. «В августе состоялась в Коджорах моя свадьба. За несколько дней в Тифлис приехала моя невеста со своими родителями. Богослужение происходило в маленькой коджорской церкви. Гости не имели возможности в ней поместиться и находились в саду, рядом... После свадьбы мы с женой поехали на Минеральные Воды по Военно-Грузинской дороге.

Мне приходилось много раз ездить по этому пути, и каждый раз он оставлял новые впечатления, новые виды. Я знал в конце концов каждый изгиб дороги, каждый подъем и спуск.

В бытность мою в штабе Кавказского округа наше начальство возбуждало много раз ходатайства о постройке по этому направлению так называвшейся перевальной дороги...»

Мы специально привели этот отрывок из воспоминаний П.Н. Шатилова – имя жены не названо, а констатация свадебного путешествия плавно переходит на нужды военной логистики Кавказского театра военных действий. Шатилов вовсе не был черствым человеком, просто никогда и нигде не упоминал интимные стороны своей жизни. Для него это – сокровенно.

Отслужив в Хопёрском полку и выведя сотню своего полка в число лучших, Шатилов был удостоен редкой награды: «Когда я сдал сотню, то однажды получил из Кубанского войска бумагу с постановлением Суворовской станицы, пополнявшей большую часть моей сотни, об избрании меня “Почетным казаком” их станицы», – вспоминал он.

Свое военное мастерство Шатилов совершенствовал в штабах: сначала на Кавказе, а затем в Санкт-Петербурге. К началу Первой мировой войны он успел сложиться как вдумчивый, надежный штабной работник. Когда война началась, Шатилов получил назначение в Париж в распоряжение русского «военного агента» (военного атташе), но всеми правдами и неправдами добился отправки на фронт – сначала в распоряжение штаба Юго-Западного фронта, а потом и в действующие части. Около года он провоевал в должности начальника штаба кавалерийской дивизии, сначала 8-й, а затем 7-й. Талантливый генштабист, он констатировал те тяжелые условия, «в которых оказались наши войска из-за необеспеченности снабжения, отсутствия кадров офицерского состава, понесшего громадные потери, значительного некомплекта в частях и отсутствия подготовленных пополнений. Наша прославленная мобилизация оказалась удовлетворительной только в отношении мобилизации частей, их сосредоточения и первоначального снабжения. Заявление Сухомлинова (военный министр России. – А.В.), что Россия в 1914 году вполне готова к войне, не соответствовало действительности. Правда, что все решительно воюющие армии находились в том же положении, но при отсутствии в России развитой промышленности мы не могли выйти из обнаружившейся неподготовки так же быстро, как другие державы».

Будучи начальником штаба 8-й кавалерийской дивизии, Шатилов заслужил орден Святого Георгия 4-й степени «за то, что во время исполнения им должности начальника штаба 8-й кавалерийской дивизии, когда на слабую знаменную сотню (около 30 казаков) и штаб дивизии, находившихся в д. Моровина, была направлена с тыла атака двух германских эскадронов, подполковник Шатилов во главе собранной им конной части неустрашимым и смелым ударом холодного оружия, а также последующими действиями, вполне отвечавшими выгодно сложившейся обстановке, выручил сотню и штаб дивизии от чрезвычайно тяжелого положения и даже уничтожения».

7-я кавалерийская дивизия, в которой впоследствии служил Шатилов, в 1915 году прославилась конной атакой двух полков – Ольвиопольского уланского и 11-го Донского казачьего – на пехоту противника. Описание этой атаки вошло в большинство исследований по истории Первой мировой войны на Восточном фронте. Но настоящий успех и военное счастье ждали Шатилова в конце 1915 года, когда он был переведен на Кавказский фронт. Кавказский фронт наступал весь период Первой мировой войны, и даже «похабный» Брестский мир 1918 года застал войска этого фронта на турецкой территории. Здесь Шатилов командовал казачьим полком, служил в штабе. На Кавказском фронте он оставался до конца 1918 года, когда фронта практически уже не было. В 1918 году белое командование хотело, чтобы он сформировал в Закавказье добровольческий корпус из сохранившихся русских военных формирований, но сам Шатилов, грамотный штабист, ставил перед собой более скромную задачу – «передать в распоряжение Главного командования армии сохраненные мной сети разведывательных и контрразведывательных служб».

В конце декабря 1918 года Павел Шатилов прибыл по новому месту службы – в Добровольческую армию Деникина. «...Я испытал глубокое чувство радости, увидев наконец русский трехцветный флаг, – вспоминал Шатилов. – Я его не видел уже давно. На Кавказе с началом революции наша национальная эмблема была заменена, как и всюду, красными тряпками. При самоопределении Грузии рядом с красным флагом вывешивался, не помню, каких цветов, грузинский флаг. На Украине всюду висел желто-блакитный. Наконец, я увидел русский. Не скрою, что впечатление от этого было глубокое. Увижу ли я его опять когда-либо в России?!»

Добровольческая армия находилась в очень тяжелом положении. Грамотные боевые генштабисты были нарасхват. Большинство офицеров Генерального штаба остались у большевиков. Из тех генштабистов, что служили непосредственно в Петрограде, у большевиков остались 80 %. Шатилов сразу же получил предложение стать начальником штаба Кубанского казачьего войска или походным атаманом кубанских казаков. Но он пожелал служить в войсках под командованием далеко продвинувшегося в Первую мировую войну генерала Врангеля (судя по дневникам Николая II, П.Н. Врангель стал первым русским офицером, получившим в 1914 году орден Святого Георгия). У Врангеля Шатилов получил в командование конную дивизию.

Весной 1919 года Кавказская добровольческая армия Врангеля разгромила на берегах Маныча части 10-й советской армии, опрокинула красную конницу Думенко и Жлобы и взяла штурмом «Красный Верден» – Царицын, чего весь 1918-й год безуспешно добивался Донской атаман Краснов.

Шатилов детально описывает бои за ст. Великокняжескую, высоко оценивая боевые качества красных войск. «Как только полки вышли из-за скрывавшей их складки местности, артиллерия красных открыла сильнейший огонь. Такого огня мне не приходилось испытывать давно, со времен Галицийских боев. При этом меткость стрельбы была необычайной. Сплошь и рядом шрапнели рвались над самыми нашими строями, выводя из них немало людей и лошадей».

Далее следовали бои на саратовском направлении, оборона Царицына от перешедших в наступление красных, переброска Врангеля на Украину...

Между белыми вождями начались трения. Деникин отрешил Врангеля от командования, но и сам не смог спасти и сохранить добровольцев и казаков, объединенных в Вооруженные силы Юга России. Последовала Новороссийская катастрофа. Сохранившие боевой дух части были переброшены в Крым. В основном это были добровольцы – корниловцы, марковцы, алексеевцы, дроздовцы. Из донских казаков в Крым уплыла четвертая часть (три дивизии), три четверти сдались большевикам и были в рядах красной конницы посланы на фронт против поляков. Кубанцев изначально в Крым ушла одна бригада. На основе этих частей была создана новая Русская армия.

Удерживать последний клочок русской земли – Крым – и продолжать борьбу с большевиками досталось Врангелю. Павел Шатилов был при нем начальником штаба.

Англичане предлагали Врангелю сдаться большевикам и в противном случае отказывали ему в какой-либо помощи. Французы требовали выйти из Крыма в Таврию и ударить во фланг и тыл большевикам, которые гнали поляков на Запад. И это понятно – еще в 1917 году «союзники» поделили Россию на сферы влияния: англичанам доставались Дон и Кавказ, французам – Крым и Украина.

Краткий период «Крымской эпопеи» стал венцом военной и административной деятельности белого руководства. Оно обогатило военное искусство, создав прообраз бронекавалерийских частей, оно объявило земельную реформу, оставив крестьянам захваченную у помещиков землю, на что не решился пойти Деникин. Оно разгромило силами одной пехоты красную конницу Жлобы, оно провело блестящую десантную операцию на таманское побережье. Но силы были явно неравны. Казачество либо было выбито, либо оказалась в Красной армии. Поляки, отбив большевиков от Варшавы, заключили с ними перемирие, а затем и мир. Лучшие части красных были брошены с польского фронта на Врангеля...

Шатилов разделил все военные и административные труды Врангеля. Под занавес боев, в ноябре 1920 года он, уже имея «Георгиевское оружие» и два ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степени, был произведен в генералы от кавалерии. Но нашлись «доброжелатели», увидевшие в нем то, чего не видели другие, и о чем, возможно, не подозревал сам Шатилов. Генерал Слащев, прекрасный тактик, злоупотреблявший кокаином и в конце концов вернувшийся в Советскую Россию, писал о Шатилове: «Это был человек крайне легкомысленный в военных вопросах, очень беспечный относительно противника, смотревший на войну с точки зрения “шапками закидаем”, когда на фронте было хорошо, и впадавший в невероятную панику при малейшей опасности. Вообще же он обращал мало внимания на военное дело, а больше занимался нефтяными бумагами и пополнением своих материальных средств “благодарностями” лиц, ведших какие-либо денежные дела с Вооруженными силами Юга России. Это делалось вполне открыто и не составляло ни для кого тайны...»¹

Странно, что Шатилов не воспользовался «благодарностями» и нефтяными бумагами, когда работал в Париже таксистом и едва сводил концы с концами.

Новый этап жизни начался в эмиграции. Вчерашние союзники видели в эвакуировавшейся Белой армии одну лишь обузу. Потрясенный подобной неблагодарностью Шатилов львиную долю своих воспоминаний посвящает взаимоотношениям командования Русской армии и французского военного командования. Нет нужды напоминать об условиях жизни в Галлиполийском лагере и в других лагерях. Единственной страной, которая «по-человечески» отнеслась к эмигрантам, стало Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия). Остальные стремились ушедших из России белогвардейцев как можно быстрее разоружить, распылить и принудить вернуться на родину. И здесь Шатилов, как и Врангель, прилагал все силы, чтобы сохранить и как-то пристроить ушедшие за рубеж воинские части.

Разлагающим фактором стала борьба за лидерство. Командованию Русской армии приходилось ограничивать амбиции казачьих атаманов, левых демократических кругов и, конечно же, особ императорской фамилии, которые мечтали взять под свой контроль закаленную и дисциплинированную массу военных.

Со своей стороны большевики не могли смириться с существованием за рубежом Белой армии, мечтающей о возвращении и реванше. Серию операций ВЧК – ОГПУ – НКВД по разложению белого командования, по выманиванию наиболее активных белогвардейцев из-за границы в СССР и, наконец, по похищению белых вождей описывает в своих

¹ Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым, 1920. М.: Вече, 2013. С. 115–116.

воспоминаниях Шатилов. В ход шли клевета, подкуп и шантаж. Впрочем, эти методы всегда применялись спецслужбами. Гражданские войны полны непредсказуемости. Старший брат Я.М. Свердлова, полковник французской службы, инспектировал врангелевские части в Крыму, а командир Корниловского полка Скоблин оказался советским разведчиком...

Ряд провокационных сообщений о причастности самого Шатилова к советской разведке был запущен еще в те времена, и отголоски этих слухов живы до сих пор. Некоторые считают, что Шатилов пошел на контакт с большевиками, чтобы вывезти свою семью с советской территории за границу. Но из воспоминаний самого Шатилова становится известно, что его отец умер в начале 1919 года, а жена и мать были вывезены за границу морем в самом начале 1920 года, когда Чёрное море было полностью под контролем белых и их союзников. Судно «Колхида», на котором были родственники Шатилова, потерпело аварию, и все пассажиры были высажены в Варне, где Шатилов временно их и пристроил.

После смерти П.Н. Врангеля ближайший его сподвижник Шатилов не стал бороться за какое-либо влияние на белую эмиграцию, тем более за «место у кормушки». Он как мог помогал возникшему объединению РОВС (Русский общевоинский союз), но одним из первых был отстранен от руководства, «ради экономии средств». Череда похищений лидеров Белого движения вызвала среди эмигрантов общую нервозность и взаимное недоверие.

Наметанным взглядом военного Шатилов следил за надвигающейся войной. Он отмечал пацифизм и малодушие французов, которые, нежась в комфорте, казалось, не замечали усиления Германии. «Такая нация была обречена на поражение, несмотря на свою развитую военную технику», – четко и кратко охарактеризовал французов Шатилов. Его слова стали пророческими.

Тема взаимоотношений белой эмиграции и немцев во время Второй мировой войны всегда была крайне болезненной. Развалившийся в 1919 году белое движение А.И. Деникин превозносится как русский патриот, а идеал воина и администратора, писатель П.Н. Краснов, осыпается проклятиями. Шатилов честно высказал свою позицию в начале Второй мировой войны: «Во всяком случае, фашистский режим для нас был терпим. Коммунистическая доктрина, а главное – практика ее применения, были для нас, как всегда, совершенно неприемлемыми». Это «кредо» Шатилова в полной мере отвечает на вопрос – был ли он связан с советской разведкой. Но это была позиция в начале войны... Отсидев 10 месяцев в немецком концлагере и проанализировав информацию, поступающую из России, уже в 1942 году П.Н. Шатилов понял, что немцы пошли на Россию отнюдь не «освободить ее народы от сталинской тирании». И никакой поддержки немцам он не оказывал. Да и какую поддержку мог оказать фашистскому режиму парижский таксист и наемный управляющий голландской фирмы, которому перевалило за 60?

Окончание Второй мировой войны, победа Советского Союза в Великой Отечественной войне не изменили отношения Шатилова к существующей в России власти. Своим убеждениям он остался верен до конца. После Второй мировой войны он стал писать представляемые мемуары, ярко и красочно описывая прожитое и пережитое.

5 мая 1962 года Павел Николаевич Шатилов скончался, прожив полную подвигов, приключений и лишений жизнь. Он похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Во всех справочниках о нем говорится: «Оставил обширные воспоминания, переданные им в Колумбийский университет (США) без права публикации до начала XXI века». Начало XXI века пришло. Пора ознакомить мир с воспоминаниями одного из лучших российских воинов первой половины XX века.

*А.В. Венков,
д-р ист. наук, профессор*